

К восемнадцати сорока трем проходит почти половина моего занятия английским языком с группой порогового уровня.

Я сижу, подперев щеку рукой, и притворяюсь, что смотрю что-то в телефоне. Мне нужно делать вид, что я не замечаю, как группа порогового уровня переводит целые предложения в «Гугл-транслейте».

Для мая слишком жарко, и мои голые ноги прилипают к сиденью деревянного стула. Мне нужно поставить телефон на зарядку.

Все двенадцать человек пишут эссе в экзаменационном формате. Я выбрала тему из списка, любезно представленного в методической рекомендации: научная фантастика. Справится даже предпороговый уровень, но на предпороговом экзаменов нет.

Я провожу пальцем по экрану телефона. В тишине слышно, как мальчик через стол от меня вполголоса считает слова: сто один, сто два, сто три.

На доске написан список подходящих слов: «космос», «робот», «бес-смертие», «полностью автоматизированный лакшери-коммунизм». Про коммунизм, конечно, шутка, но мне интересно, что думают о нем люди две тысячи четвёртого года рождения. Я представляю, что скажет моё руководство, когда об этом узнает. Моё руководство плохо справляется с межзубными звуками и носит прическу такой высоты, как будто внутри стоит стакан.

До экзамена осталось две недели, и пороговая группа на низком старте. Когда поздно вечером я лежу в кровати с ноутбуком, мой телефон вибрирует от сообщений: определённый артикль или неопределённый? Как образовать существительное от divide?

Над дверью в кабинет висит кондиционер, но за два года моей работы здесь его не включали ни разу – экономят электричество. Он бы

очень пригодился сейчас, когда в комнате жарко и воды в моей бутылке осталось на два глотка.

Мальчик через стол дошел до ста шестьдесят восьмого, сто шестьдесят девятого, семидесятого слова.

Когда я написала тему эссе на доске, на третьем ряду поднялась рука.

– Можно что-нибудь другое? – спросила девочка с красными волосами. – Я не знаю, что такое научная фантастика.

Сейчас она склонилась над столом, и я делаю вид, что не замечаю включенного телефона на ее коленях. Я бы все равно не смогла объяснить ей про научную фантастику так, чтобы это было понятно.

Сто семьдесят одно, семьдесят два, семьдесят три слова.

Лимит для эссе – двести пятьдесят слов.

Сегодня двадцать пятое число. Мне нужно заплатить за квартиру до конца этой недели.

Научная фантастика – это если бы Егор наконец устроился на работу и отдает арендодателю хотя бы пять тысяч вместо того, чтобы целыми днями лежать на диване, изображая киберспортсмена.

Девочка с красными волосами подходит к моему столу и просит ещё один бланк. Я не могу рассказать ей об этом.

Научность в том, что с точки зрения здравого смысла ничто не мешает Егору отправить куда-нибудь свое резюме. При этом будет совершенно фантастично, если он все-таки это сделает. В таком случае я смогла бы купить себе новое пальто и, может, даже поехать в Крым, где в это время года цветёт миндаль и плохо работает сотовая связь.

Ладони красноволосой девочки мокрые от пота и оставляют тёмные, неровные следы на стопке листов.

Все равно ни в какой Крым я не поеду, потому что никто не даёт мне отпуск, а уволиться я не могу.

Двести одно слово, двести два. Его зовут Андрей, совсем как звали Егора до того, как он решил начать новую жизнь.

На экране моего телефона рекламный блок. Билли Айлиш выпускает новый альбом, второй по счету. Ей девятнадцать лет, на шесть меньше, чем мне.

Вообще-то я в том возрасте, который принято называть золотым временем жизни. Я не думаю, что захочу вспоминать его, когда стану старше.

Научная фантастика – это когда в «Спотифае» у меня не девяносто, а девятьсот тысяч прослушиваний.

Вчера вечером я два часа ругалась с человеком, который должен был сводить мою последнюю песню. Сведение стоило четыре тысячи. Я специально купила новую гитару для записи. Человек писал мне из Звенигорода и не мог закончить работу уже три недели.

– Можно выйти?

Девочка, задавшая вопрос, появляется на занятиях так редко, что я не помню ее имени. Я забираю ее эссе и откладываю в сторону. В нём семь строчек и десять помарок.

Иногда я представляю, что давно прославилась и что подростки часами смотрят мои видео в «Ютубе». Я бы стала Сашей Вознесенской вместо Александры Владимировны, никогда не спускалась бы в метро и никому не позволяла бы обращаться с собой, как с пустым местом.

Я захожу в мессенджер, чтобы найти отправленное Егору сообщение неп прочитанным. В сообщении я прошу его полить растения на подоконнике – мяту, вереск и алоэ вера. Запах мяты так успокаивает.

До конца занятия остаётся полтора часа. Тогда я наконец собираю у группы эссе, хотя на экзамене у них едва ли будет сорок минут, чтобы написать его. Я всегда была слишком мягкой.

Через девяносто минут я отнесу работы в кабинет, где нет окон и душно даже в январе. Если мне повезёт, там никого не будет. Если нет, я встречу менеджера, которая будет просить меня выйти в воскресенье вместо Никиты, Ани или Ларисы Александровны. Я соглашусь, потому что не умею говорить «нет», и в свой выходной буду объяснять систему времён и слушать плохо заученные диалоги.

Научная фантастика – это когда моё руководство даёт мне отпуск на целых две недели и ни разу не звонит на их протяжении.

Мне даже не нужен будет Крым. Я поеду на дачу, где живет старая безымянная кошка и дедушка без конца перечитывает Жоржа Сименону. Книжки старые и пахнут библиотекой, их давно нужно подклеить. С утра я буду помогать маме в саду, а вечером – сидеть на крыльце, поставив пластмассовый стул в полукруг сажающегося солнца, и играть Франсуазу Арди на гитаре.

Девочка, имени которой я не помню, возвращается. Она простужена, на её ладони шариковой ручкой выписаны третьи формы неправильных глаголов: *forecast*, *forgiven*, *forgotten*. Продолжающий уровень подразумевает знание основной грамматики, но я слишком устала, чтобы делать ей замечание.

Уведомление на телефоне напоминает о том, что заряда осталось только десять процентов.

Когда я наконец встану с этого липкого горячего стула, мои ноги будут красными.

Мальчик в фирменном джемпере, который стоит больше, чем я зарабатываю за месяц, возникает у моего стола.

– Я сдам?

Лист едва исписан наполовину – минимальный порог. Я ставлю отметку о том, что работа сдана, киваю ему и желаю хорошего дня. Он смотрит на девочку с красными волосами.

– Я тебя жду снаружи.

Она улыбается – всего секунду, щёлкает ручкой и сразу опускает глаза. Он очевидно заинтересован больше, хотя она выше ростом и не знает, что такое научная фантастика.

Может быть, золотой период сейчас у них, а вовсе не у меня.

Научная фантастика – это когда Саша Мельников пишет первым, отвечает сразу и зовет меня в бар на Маросейке, где играют Этту Джеймс, делают «маргариту» с имбирём и где достаточно темно, чтобы танцевать.

Я смотрю на слова, написанные на доске. «Н» в «spaceship» чуть смазана, и моя рука голубая от мела. Я встаю и пишу на доске новое слово. *Fulfillment*. Оно кажется холодящим и сладким, как леденцы от кашля, когда произносишь вслух.

В прошлый раз мы стояли так близко, что я могла разглядеть коричневые полосы на радужке Сашиних глаз. Был первый теплый день года, и я мерзла в своем новом хлопковом платье. Саша говорил о Марвине Гэе и хвалил мою новую стрижку. Я сказала спасибо, хотя в последний раз была в парикмахерской в декабре. Он выглядел заведённым и не к месту вставлял французские слова. Я пила слишком слабый спиритц и почти всё время молчала. Уходя из бара первым, Саша поцеловал мой рот вместо щеки и вряд ли промахнулся.

Я складываю эссе в стопку и ровняю края. Я ничего не слышала от Саши весь март, а потом кто-то из общих знакомых сказал, что у него новая девушка. На фотографии с её страницы в Инстаграме он щурится на солнце и выглядит сонным. Девушку зовут Аризона, и она родилась в американском Финиксе.

Часовая стрелка двигается со щелчком. Шестьдесят минут, и я буду свободна.

Девочка на первом ряду нервно просит у меня корректор.

– Мы уже заканчиваем?

Мальчик, считающий слова, приподнимается с места и тянется за новым бланком.

– Fulfillment – что это значит? – говорит девочка с красными волосами.

Она в начале третьего листа и, кажется, не спешит заканчивать. Через стеклянную дверь виден силуэт мальчика, ждущего её снаружи.

– Осуществление, – говорю я.

У меня во рту сухо, и горький привкус не уходит, когда я беру бутылку воды и делаю глоток. Мои губы вдруг начинают дрожать.

– Что это такое? – говорит девочка с красными волосами. – Я не понимаю.

В свете потолочной лампы её голова окружена нежно-розовым нимбом.

– Ничего, – говорю я. – Не обращай внимания.

Я беру меловую тряпку и стираю fulfillment с доски. Следов голубого больше нет, но я тру, пока не начинает болеть рука. Потом сажусь обратно на место, включаю телефон и смотрю на экран.

В двадцать тридцать моё занятие английским языком с группой порогового уровня подходит к концу. Я сию, подперев щеку рукой, и думаю о Саше Мельникове, которому обязательно напишу, как только выйду отсюда, об электричке, которая доставит меня на дачу за сорок пять минут, и о своей молодости, которая проходит в эту самую секунду.

Fulfillment.

Кажется, молодость нельзя проводить вот так, сидя в душной аудитории с дрожащими губами и нерешительностью. Во всяком случае, я свою так проводить не собираюсь.